

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.14>

Арзамазов Алексей Андреевич

РЕАЛИИ РАЗВИТИЯ "МИНОРИТАРНОЙ" ЛИТЕРАТУРЫ (ПОЭЗИЯ НИКОЛАЯ КУРИЛОВА)

В статье на материале анализа стихотворных произведений известного юкагирского поэта Николая Курилова выявляются значимые особенности развития "миноритарной" литературы в конце XX - начале XXI столетия. Рассматривается лингвопоэтическая специфика стихотворений Н. Курилова, устанавливаются их основные проблемно-тематические грани, прочитывается семантика лирических образов, отмечается повышенная этнографическая выразительность поэтических текстов. Подчеркивается особый статус русского языка, который становится всё более важным элементом художественной коммуникации в реальности "миноритарных" литератур народов Севера и Дальнего Востока.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/8/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 72-76. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Литература народов Российской Федерации

The Russian Federation Peoples' Literature

УДК 821.511.131

Дата поступления рукописи: 19.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.14>

В статье на материале анализа стихотворных произведений известного юкагирского поэта Николая Курилова выявляются значимые особенности развития «миноритарной» литературы в конце XX – начале XXI столетия. Рассматривается лингвопоэтическая специфика стихотворений Н. Курилова, устанавливаются их основные проблемно-тематические грани, прочитывается семантика лирических образов, отмечается повышенная этнографическая выразительность поэтических текстов. Подчеркивается особый статус русского языка, который становится всё более важным элементом художественной коммуникации в реальности «миноритарных» литератур народов Севера и Дальнего Востока.

Ключевые слова и фразы: «миноритарная» литература; литературы народов России; поэзия; литературный процесс; образно-символический тезаурус; лирический субъект; Н. Курилов.

Арзамазов Алексей Андреевич, д. филол. н.

*Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск
arzami@rambler.ru*

РЕАЛИИ РАЗВИТИЯ «МИНОРИТАРНОЙ» ЛИТЕРАТУРЫ (ПОЭЗИЯ НИКОЛАЯ КУРИЛОВА)

Одно из наиболее актуальных направлений современной отечественной гуманитаристики – литературоведческие исследования, обращенные к художественным традициям народов России. При этом на сегодняшний день ощущается явный дефицит научных работ систематизирующего характера, рассматривающих национальные литературы в контексте «общего» и «особенного», в системе типологических проекций и параллелей. Данный вектор исследований приобретает особую значимость в аспекте моделирования теории «миноритарных» литератур. Среди известных нам трудов продуктивной теоретико-методологической новизной отличаются работы В. Р. Аминовой, Л. Г. Ибрагимовой, В. А. Бигуаа, А. Т. Сибгатуллиной, К. К. Султанова, Ю. Г. Хазанкович и др. [2-4; 8-11]. Очевидно, что литературы народов России находятся на разных стадиях развития, характеризуются широким спектром «внутренних» и «внешних» проблем. Вместе с тем речь может (и должна) идти и об объективных общих механизмах становления, параметрах обновления литературных систем, о разносторонней реальности их сближения.

В рамках настоящей статьи мы остановились на поэзии юкагира Николая Курилова, которая представляет собой оригинальную авторскую стратегию художественной репрезентации этнической идентичности, высокую степень поэтической обращенности к образно-символическому тезаурусу своего народа. Рассматриваемая творческая модель аналитически прочитывается как вариант продолжения национальной традиции на русском языке. Важно подчеркнуть, что поэзия Н. Курилова представляет значительный исследовательский интерес с точки зрения определения сценариев развития «миноритарной» словесности.

Научная новизна темы обусловлена недостаточным количеством работ, посвященных творчеству Николая Курилова как в контексте юкагирской литературы, культуры, так и на фоне межлитературной общности народов России. **Актуальность** заявленной темы заключается в общей неразработанности теории «миноритарных» литератур, в необходимости последовательного теоретического моделирования, установления и анализа стадийно-типологических характеристик. **Цель** исследования – проанализировать основные художественные контексты поэзии Н. Курилова, отраженные в его русскоязычных подстрочниках. **Задачи:** определить ключевые поэтологические особенности, имеющие типологический характер, очертить отдельные составляющие юкагирской художественной ментальности, рассмотреть специфику перехода национальных авторов с родного языка на русский.

Одна из заметных реалий трансформации национального литературного процесса – расширение поля функционирования русского языка. При этом существуют литературные традиции, в которых авторский переход на русский – явление достаточно редкое, вызывающее со стороны творческих элит своего региона некоторое непонимание, неприятие. Родной язык воспринимается – даже если эта сентенция открыто

не декларируется – как ядро идентичности, основа национально-художественного мировоззрения, духовных ценностей. К таким в языковом плане сильным, почти «бескомпромиссным» национальным литературам относятся татарская, башкирская, якутская, калмыцкая литературы, большинство литератур Северного Кавказа. Однако на рубеже XX-XXI столетий русский язык как язык литературы, художественного саморепрезентации становится всё более значимым, знаковым выбором национального писателя, нередко осложняющим его гуманитарное взаимодействие со своим консервативно настроенным писательским сообществом. Подобный «лингвистический разворот» обостряет вопрос о критериях, содержании понятия «национальная литература». Так, среди современных татароязычных писателей тексты этнических татар Ильдара Абузярова [1], Шамиля Идиатуллина [5], Гузели Яхиной [12] прежде всего ассоциируются с русской литературой. Для собирательно-обобщенного татарского автора родной язык является основной «лакмусовой бумажкой» национальной идентичности, художественной преемственности.

Иная ситуация наблюдается в национальных литературах народов Севера. Русский на этой этнографической, культурной территории в силу небольшого количества носителей национальных языков, их сильной диалектной дифференцированности, поздно возникшей письменности был и остается главным языком словесного творчества. И в этой системе координат авторская ориентированность на русский язык не оценивается как неестественное, негативно-субъективное решение. Для многих писателей, представляющих народы Севера, национальная выразительность художественной словесности не носит специфический языковой характер. Речь может идти о развернутом самобытно-эксклюзивном образно-символическом дискурсе, конституирующих фольклорно-мифологических представлениях, которые в действительности не только выполняют функцию внешних этнических акцентов произведения, но и являются внутренней природой художественного самосознания, творческих поисков. Романы классика хантыйской литературы Еремея Айпина, стихотворения ненца Юрия Вэллы, разножанровые произведения нивха Владимира Санги, написанные по-русски и транслирующие историко-культурные сюжеты из жизни своего этноса, прочитываются именно как артефакты национальной литературы. Одна из концептуальных причин обращения национальных писателей Севера к русскому языку, русскоязычному читателю – глобальные экологические проблемы, которые нельзя замалчивать, которые нуждаются в серьезной общественной реакции. Как нам представляется, именно реалии литератур народов Севера свидетельствуют о постепенном расширении понятия «национальная литература».

Николай Курилов (1949) – один из наиболее ярких и известных писателей, представляющих народы и литературы севера России. Курилов относится к той когорте людей, которые одновременно выражают себя в разных видах творчества, при этом создавая национальную художественную традицию. Они олицетворяют собой первое поколение интеллигенции, в духовном багаже которого – фольклорно-мифологические представления народа, его образно-символический тезаурус, еще работающая смысловая память языка. Осознавая уникальность своего положения в системе этноса, такие творческие индивидуальности, как Н. Курилов, становятся своеобразными переводчиками синкретических миротекстов традиционной культуры на язык общепринятых «оформленных» форматов «большой» цивилизации. Таким образом художественное творчество выполняет сохраняющую и актуализирующую функции.

Николай Курилов, без преувеличения, – выдающийся просветитель юкагирского народа. Его перу принадлежат не только многочисленные произведения (стихотворения, прозаические тексты, публицистика) на трех языках (юкагирском, русском, якутском), но и научные работы, посвященные материальной и духовной культуре юкагиров. Он один из авторов юкагирского букваря. Большую известность Николай Курилов приобрел как художник. Его картины образно, содержательно перекликаются с поэзией, в их основе – природа Севера и жизнь этнофора, исконное мифологическое мировоззрение и неудобная современность. Примечательно, что живописные произведения Н. Курилова насыщены яркими красками, характеризуются цветовой экспрессией. Своеобразными маркерами авторской эмоциональности в поэтическом преломлении становятся многочисленные знаки пунктуации. Одно из стихотворений Н. Курилова получило всероссийскую узнаваемость. Текст «Родина» («Я узнал, что у меня...») в переводе Михаила Яснова прозвучал в культовом фильме Алексея Балабанова «Брат 2».

Наиболее важные темы поэзии Николая Курилова – утрата своего этнического облика, родного языка, реальность этнокультурной необратимости, неизбежное этническое забвение. Вокруг данного проблемно-тематического кластера выстраиваются различные поэтические сюжеты, мотивы, коммуникативные комбинации. Свой языковой и культурный универсум, пребывающий на грани исчезновения, является основой художественного мира юкагирского поэта. Обреченность этноса, неминуемость его «растворения», кажется, уже воспринимаются авторским «Я» как неизменная данность, без каких-либо текстуально фиксируемых проявлений экспрессии: «...*После нас на этом свете / Исчезнет в тундре юкагир / С родной юкагирской речью...*» [6, с. 8]. В поэзии Н. Курилова смерть юкагира повсеместно ассоциируется с гибелью всего этноса: «...*Хоронят юкагира в одежде предков: / Как повелось, не нами придуман / Сей обряд печальный и последний! / Быть может, это предвестник был горький – / Исчезновения вадулов-юкагиров...*» [Там же, с. 15]. Забвение когда-то хорошо знакомых каждому этнофору ритуалов – также верное свидетельство потери своих корней, мировоззренческих координат. «Смерть» традиции у Н. Курилова равнозначна исчезновению народа: «*В лодочках прежде хоронили юкагиров, и – на помост... / Столько волн вспенивала лодочка! / Но теперь ей сушиться – вечно... / В наши дни лодки остаются детям, / Отцов хоронят в глуби земли...*» [Там же, с. 14]. Излюбленный знак препинания у Н. Курилова – многоточие. Знак смирения, принятия неизбежного, символического молчания.

Рассказывая в своих произведениях о «большом» юкагирском прошлом, поэт регулярно обращается к образам старших (деды, бабушки, мать, отец). Это те поколения, которые жили, воспринимали мир, друг друга по-юкагирски, для которых немислимы были иные духовные, языковые модели бытия. С большой

любовью, благодарностью и болью в стихотворениях Н. Курилова прописан образ матери. Его семантическая природа представляется синтетической – живой человек со своей историей радостей и переживаний ассоциируется с этносом: *«Поцелуем в щеки / И материнским молоком, / Одетая во всё оленье, / Вдохнула / Юкагирка-мама – жизнь!»* [Там же, с. 17]; *«Колокольчиком золотым – / С синим дымком до неба – / Дом-ниме висит! / Мама, мама...»* [Там же, с. 20].

В поэтическом мире Николая Курилова значительное место отводится природным символам. По-видимому, это одна из стадиально-типологических черт «миноритарных» литератур. Образы, явления природы составляют основу художественной изобразительности младописьменной литературы. Они являют собой первичный, глубинно связанный с мифофольклорными представлениями срез поэтического языка, без которого невозможно зарождение, развитие национальной словесности. Речь может идти и об особой ментальности визуализации, об этногенетической предопределенности образно-зрительного ассоциирования.

Живописный опыт Николая Курилова, его взгляд художника не могли не сказаться на архитектонике стихотворного творчества. Каждое стихотворение – визуальное личностно оформленное представление своей малой родины, которая в действительности является огромной. Поэт, выстраивая лирические ситуации, обращается к категориям изобразительного искусства:

Пейзаж

*От теней сопок и кочек,
сугробов и снежинок
тундра –
словно в волнах синих* [Там же, с. 33].

Этюд

*Долгие весенние дни,
но как изменчива погода!
На льдинке ледохода –
первый комар* [Там же]!

Натюрморт

*Строганина на снегу,
Кружка чая в снегу* [Там же]...

Свой универсум юкагирского поэта – пространство Севера, с очерченными климатическими реалиями, отмеченное особым этническим колоритом. Н. Курилов в своих стихах образно моделирует юкагирский этноландшафт. Данная художественная стратегия нам представляется симптоматической – почти каждый талантливый, осознающий свое литературное предназначение национальный писатель в разной степени эксплицированности стремится символически описать свои этнические территории, развернуть «этнографические панорамы».

Отдельного упоминания, комментарии заслуживают юкагино-японские стихотворные параллели Николая Курилова. Мы полагаем, что это проблема более сложная, чем изначально может показаться. Актуализируемые автором стилизация, элементы подражания, интертекстуальные переключки – по всей вероятности, поверхностный пласт рассматриваемого художественного явления. «Графаретные заимствования» из японских танку и хокку – формальный внешний аспект, за которым обнаруживается специфическая природа созерцания и ассоциирования. Осторожные этнографические предположения о дальнем родстве народов российского Севера и японского этноса в данном случае актуализируются в литературно-поэтическом контексте, проявляющем значительную ментальную схожесть художественных традиций.

Особый интерес вызывают языковые подтексты поэтического творчества Николая Курилова. Значительный пласт его текстового корпуса составляют произведения, написанные изначально по-юкагирски. Это стихи для своих, для узкого круга читателей-носителей языка, которые могут оценить и по-особому прочесть образно-символические послы, мифологическо-смысловые корреспонденции автора. Однако широкая читательская аудитория получает представление о литературном таланте поэта, обращаясь к русскоязычным вариациям юкагирских стихотворений. Сам Курилов скромно называет их подстрочниками, как бы занижая лирическое качество и одновременно подчеркивая семантическую точность, некоторую «неотредактированность» этих текстов. Авторские «подстрочники», образующие основное текстовое поле книг поэта, являют собой редкое сочетание грамотного русского языка и очень тонкого, эстетически выразительного «этнического» художественного стиля. Такой сочетаемости удастся добиться немногим национальным писателям, переходящим с родного на русский. Очевидно, что «подстрочники» Курилова – самодостаточные произведения, в лучшем свете представляющие традиции юкагирской словесности.

Николай Курилов в своем творчестве достаточно часто задействует лексические ресурсы родного языка. Таким образом формируется особое этносимволическое поле стихотворения, это еще один способ важного для автора этнокультурного самовыражения, еще один прием этнически выразительной эстетизации. Читатель в этом случае имеет возможность акустически оценить звучание постулируемого языка: *«Теперь не нужно заставлять: / Забыли юкагиры, / О, Хойл, как выговорить слова: / – Мэт вадуд нодьэн, я емь – юкагир...»* [Там же, с. 12]; *«В такой день и жизнь длиннее – / Хозяйка возле дома-ниме. / А ведь мы так часто оставляем наших матерей...»* [Там же, с. 20]. Обычно Николай Курилов в пространстве стихотворения оперирует единичными лексемами, преимущественно обозначающими юкагирский предметный мир, объекты материальной культуры. Иногда поэт включает в произведения целые фразы по-юкагирски. Как правило, это «ключевые слова» высказывания, зоны авторского «усиления». Среди юкагирского пласта слов,

инкорпорированного в русскоязычное стихотворное целое, встречаются сложные мифологически объемные понятия, категории, восходящие к традиционной культуре. Неоднократно приводится лексема «нунни», за которой стоит представление юкагиров о перевоплощении души умершего в младенца. Содержание стихотворения приобретает этнически активированный характер, задается мифологический контекст: *«Утро и вечер, свет и тень: / Дети с утра на горке. / Кто из них и чей нунни / Спорят старики...»* [Там же, с. 16].

Николай Курилов, продолжая традиции других национальных поэтов России, посвящает стихотворение родному языку. Эта тема видится неизбежной, к ней рано или поздно приходит каждый писатель, творящий на национальном языке. Вместе с тем ее стихотворная реализация требует от автора соблюдения определенных норм, стратегий письма. При всей кажущейся простоте данная тема не должна получать поверхностного «технического» раскрытия. Поэт должен найти не только правильные интонации, но и предложить оригинальное художественное содержание, вместить в строки как эмоции, так и энергию размышления. В стихотворении «Юкагирский язык мой» Курилову не совсем удастся уйти от почти обязательных в таких случаях высоких слов прославления. Основной внутренний мотив произведения – страх языкового беспамьятства: *«Юкагирский язык мой, / Какой же ты сильный и древний! / Не смогли погresti тебя / Тысячелетий пласты: / Прорастали слова твои, / словно большие деревья, / Из-под стонов ушедших веков, / Из глухой мерзлоты... / Как боюсь я, / Что смогут потом не простить нас потомки, / Если мы забудем тебя / И уйдешь ты в потемки, / Если мы не сумеем / Для правнуков наших сберечь / Наше счастье, наследье – / Тебя, юкагирская речь»* [7, с. 322-323].

Николая Курилова волнует тема времени. Настоящее и будущее для Николая Курилова – трагические бытийственные измерения, не подчиняющиеся воле человека. Поэт оценивает современность в контексте наступающего этнического беспамьятства. Новое тысячелетие кажется ему чужим, непонятным, становится в его восприятии эпохой неприемлемых обыкновений, не-своих слов. Лирическое «Я» ощущает на себе сокрушительную скорость жизни. Прошлое оказывается аксиологически наиболее значимым, существенным. XX век, в отличие от XXI столетия, «сохранил» юкагирский народ и его духовное наследие: *«Двадцатый век – атома, космоса, / Кибернетики век, / Не вчера ли ты шумел и гремел, / И теперь – прошлый век!... / Теперь, в двадцать первом – / “Я родился в веке прошлом”... / Двадцатый век, / Спасибо тебе, что сохранил сказки / Предков моих – вадулов, / И этим вписал их / В анналы истории Человека!»* [6, с. 116-117]. Не одно стихотворение Курилова посвящено человеку. Данное слово у юкагирского поэта пишется с заглавной буквы. На плечах человека огромная ответственность за хрупкую экосистему Земли, свой этнос, язык, родителей, детей, любимых. Человек в представлении Николая Курилова – существо трагическое, ведомое судьбой. Он связан невидимыми нитями рока. И, невзирая на это, должен стремиться найти, выразить себя, сохранить свой род.

Поэзия Н. Курилова в значительной степени имеет автобиографическую природу. В стихотворениях отражаются сюжеты подлинной событийности, изображаются персонажи, с которыми автору приходилось встречаться, взаимодействовать в действительности. На наш взгляд, такая художественная генетика поэтических текстов предопределена стадияльно-типологическим «движением» «миноритарной» литературы, на определенных этапах развития испытывающей недостаточность интеллектуально-культурологического разнообразия, сюжетно-информационной многомерности. «Этнографичность» младописьменной словесности дополняется, расширяется с помощью биографического дискурса. Художественная ментальность поэтизирующего «Я» требует усиленной самопрезентации, актуализации реального.

Важное тематическое, эмоциональное измерение поэтического творчества Н. Курилова представляет собой любовная лирика. Его стихотворения о любви – вырванные из большой жизни эпизоды единения, радости, вдохновения, печали, разочарования, отчаяния, погруженности в себя. Поэт вмещает в четыре-пять строк самые разные стороны чувства. Любовь не требует развернутого описания: *«В своей любви не смея признаться, / Подарила мне туноровичка малахай, / И в узоре у бисера цветного / Соткала радугу надежды...»* [Там же, с. 103]; *«Ловлю взгляд твой в сетях дождя... / Но между нами стекло – / Как лёд, что делит / Воду и небо...»* [Там же, с. 106]. Стихи о любви, как правило, обращены к прошлому. Обычно это воспоминания молодости. Кажется, что у любви нет ни настоящего, ни будущего. Она навсегда осталась в прошлом, в которое постоянно возвращается лирическое «Я». Миры любви в произведениях Н. Курилова ожидаемо ассоциативно связаны с мирами природы.

Лирический герой Николая Курилова отличается большой внутренней свободой, он не терпит какого-либо идеологического давления, жестко реагирует на социальную несправедливость. В стихотворениях подобное обостренное восприятие ассоциировано с неприятием советского образа жизни, парадигмы социалистического поведения. Для юкагира, взирающего на мир сквозь призму своих этнических правил, предписаний, чужое внешнее вторжение априори кажется враждебным. В первую очередь недоумение у автора вызывают соплеменники, при помощи идеологии возвышающие себя над другими: *«Мой родич до партийности – / Пил, гулял, сквернословил... / В члены партии коммунистов / Он вступил и, нате, – / Пьет, гуляет, сквернословит, / Но запрещает мне нерадивых / Коммунистов ругать...»* [Там же, с. 94]; *«Он в партии был, коммунистом: / Клеймя “лентяем” и “лодырем”, / Оленеводу тыкал в грудь, / Иждивенцем обзывал! / А вечерами он отдыхал, / На диване мягком хралел, / А оленевод, “лентяй” и “лодырь”, / Пешкой уходил к оленям, в стадо...»* [Там же].

Среди стихотворений Николая Курилова имеют место тексты, непосредственно связанные с путешествиями поэта, его «артикулированными» впечатлениями. По нашему мнению, это еще один стадияльно-симптоматический сценарий развития «миноритарной» словесности. Писатель пытается расширить границы своего в некотором роде замкнутого этнического континуума, текстуально зафиксировать свои географические перемещения, художественно проявить новые культурные образы, ассоциации. Данная линия становления

младописьменной литературы соотносится с процессом усиленного выражения автобиографического начала. Иные локусы, представленные стихотворно, несмотря на свою экзотическую отдаленность, метафизически, мистически оказываются связанными с родными местами – пространством Тундры. О таких неожиданных сближениях, «приоткрывании» дальнего родства – произведение «Среди людей я брожу» [Там же, с. 68-69]. Лирический субъект, находясь в литовском городе, внезапно улавливает в потоке речи похожие на юкагирские звуки, интонации. Ему вдруг кажется, что среди чужих слов проступают свои слова. Подобные акустические находки нередко мотивированы внутренней установкой на поиск своего в чужом, обусловлены потребностью носителя «малого» языка в расширении лингвистического горизонта родства. По всей вероятности, рассматриваемый художественный эпизод может свидетельствовать о подсознательном импульсе к сближению, авторском осознании парадигм общего нерусских народов СССР, СНГ. «Прибалтийские сюжеты» Николая Курилова – это и обозначение контрастов, констатация – пусть и «мягкая» – непохожести: «*Месяц живу в Вильнюсе, / Деньги на исходе... / С утра пешком иду / До мастерской офортной – / Километра аж четыре! / А улицы подметены: / Не найди случайно / Кем-то выроненный, / Нужный лит...*» [Там же, с. 69]. В данном случае чистота – элемент другой культуры, не-своей картины мира.

Пребывание Николая Курилова в США также получило отражение в стихах. Главным объектом художественного внимания становятся индейцы, как и юкагиры, находящиеся на грани полной ассимиляции. Вместе с тем поэт избегает каких-либо открытых оценок, сопоставлений со своим этносом. Стихотворения ограничены фактографической передачей: «*Праздник вызывания дождя / У индейцев Нью-Мексико: / Маленький мальчик плачет / В конце нарядного карнавала... / Слезы, дождь...*» [Там же, с. 86]; «*По индейской деревне летит / Древняя пыль: / Здесь асфальт кончается, / Как обрывается оберточная / Ленточка...*» [Там же].

Поэзия Николая Курилова – гармоничное переплетение наива и мудрости, умеренной этнической экзотики и традиций мировой словесности, мифологических символов и образов повседневной реальности. Очевидно, что поэтическое творчество Н. Курилова заслуживает самого пристального внимания. Во-первых, читательского – его стихотворения глубоко оригинальны, имеют высокую художественную ценность, дают возможность заглянуть в уходящий – древний и сложный – юкагирский мир. Во-вторых, – научно-исследовательского. Лирические произведения Н. Курилова отличаются рядом специфических черт, активацией определенных механизмов текстопорождения, по-видимому, имеющих универсальную природу и характеризующих развитие «миноритарной» литературы.

Список источников

1. **Абузяров И. А.** Хуш. Роман одной недели. М.: Астрель; Олимп, 2010. 381 с.
2. **Аминова В. Р., Ибрагимова Л. Г.** Синтетизм как явление национального историко-литературного процесса // Филология и культура. 2014. № 2 (36). С. 80-88.
3. **Бигуаа В. А.** Абхазская литература в историко-культурном контексте. Исследования и размышления. М.: Интеллект, 1999. 300 с.
4. **Бигуаа В. А.** Абхазская литература и литературы народов Северного Кавказа. Историко-культурный контекст. Диаспора. М.: Изд-во РГТЭУ, 2011. 308 с.
5. **Идиатуллин Ш. Ш.** Город Брежнев. СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. 704 с.
6. **Курилов Н. Н.** О вчерашнем вспомню: сборник поэтических произведений. Якутск: Бичик, 2013. 128 с.
7. **Курилов Н. Н.** Стихи // Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России. М.: Северные просторы, 2002. С. 322-328.
8. **Сибгатуллина А. Т.** Поиск идентичности в татарской и турецкой литературах в контексте «Восток – Запад» на рубеже XIX-XX вв. // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2. № 2. С. 244-263.
9. **Султанов К. К.** Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 200 с.
10. **Султанов К. К.** От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 302 с.
11. **Хазанкович Ю. Г.** Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 131 с.
12. **Яхина Г.** Зулейха открывает глаза: роман. М.: АСТ, 2015. 512 с.

REALITY OF “MINORITY” LITERATURE DEVELOPMENT (NIKOLAI KURILOV’S POETRY)

Arzamazov Aleksei Andreevich, Doctor in Philology

*The Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk
arzami@rambler.ru*

Basing on the analysis of the poetic works of the famous Yukaghir poet Nikolai Kurilov, the article reveals the significant features of the “minority” literature development in the late XX – early XXI century. The author considers the linguo-poetic specificity of N. Kurilov’s poems, ascertains their main problem-thematic aspects, reveals the semantics of lyrical images and notes increased ethnographic expressiveness of poetic texts. The paper emphasizes the special status of the Russian language, which is becoming an increasingly important element of literary communication in the reality of the “minority” literature of the peoples of the North and the Far East.

Key words and phrases: “minority” literature; literature of the peoples of Russia; poetry; literary process; figurative-symbolic thesaurus; lyrical subject; N. Kurilov.